

А.А. Переверзева
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель, к.ф. н., доцент Н.Г. Воронова

СЕМИОТИКА МАРГИНАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ П. САНАЕВА «ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ»)

По мнению социологов, маргинализация может быть внешней и внутренней. В первом случае «маргинальное определение» отдельному человеку или группе людей дает общество путем «навешивания ярлыков», различного рода «маркирования нетипичности», возведения барьеров для нормальной жизнедеятельности «чужаков» в социуме. По сути дела, «маргинальное определение» становится своего рода клеймом и имеет серьезные последствия для маргинала, ограничивая его социальные права, формируя комплекс «социальной неполноценности». Во втором случае сам индивид или группа определяют свой статус как маргинальный. Маргинальная самоидентификация может основываться как на чувстве собственного несоответствия «норме», так и на оценке ближайшего социального окружения. Соответственно, «маргинальное самоопределение» также может привести к формированию комплекса «социальной неполноценности». Или же, напротив, привести к осознанию своей особенности, личности и развитию «комплекса превосходства», на что обратил внимание Э. Стоунквист [«Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта», 1937 г.].

«Клеймо» маргинала накладывает отпечаток на весь образ жизни человека, обуславливая семиотику его повседневного существования, что особенно наглядно проявляется в речевой коммуникации. Особенности речи и речевого поведения людей с социальным статусом маргиналов были выявлены в исследовании Н.А.Купиной, выполненном на материале пьес молодых уральских драматургов [1]. Обратившись к произведению П.Санаева «Похороните меня за плинтусом», мы обнаружили, что образ главного героя позволяет рассмотреть феномен внутренней маргинальности. Анализ речи героя П. Санаева позволил нам выделить особенности, обусловленные его «маргинальным самоопределением». Представим маркеры внешней (по Н.А. Купиной) и внутренней маргинальности в виде таблицы:

Внешняя маргинальность	Внутренняя маргинальность
Преобладающая форма речи	
Внешняя речь, внутренняя речь отсутствует.	Внутренняя речь.

Герои не способны вести диалог. Если он возникает, то имеет конфликтный характер.	Внутренний монолог, внешний диалог не выходит за рамки обусловленного социальной ролью взаимодействия.
Преобладающая форма взаимодействия – конфликтная	
Есть речевые маркеры внешнего конфликта, отсутствуют речевые маркеры внутреннего конфликта, который не осознается героем.	Отсутствуют речевые маркеры внешнего конфликта, есть речевые маркеры внутриличностного конфликта, который осознается героем.
Тип конфликтного речевого поведения (по К.Ф. Седову)	
Тип речевого поведения – конфликтный с установкой против партнера по коммуникации. Подтип – конфликтно-агрессивный с демонстрацией по отношению к собеседнику агрессии. Конфликтер – агрессор, ущербная в социально-психологическом отношении личность.	Тип речевого поведения – центрированный с установкой на себя и игнорированием собеседника. Подтип – пассивно-центрированный, характеризующийся уходом собеседника в себя. Участник конфликта с трудом способен выйти за пределы собственного внутреннего мира, что является результатом психологических защитных механизмов.
Стратегии и тактики речевого поведения в конфликтном взаимодействии (по К.Ф. Седову)	
Речевое поведение характеризуется пониженной знаковостью: «коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме брани, ругани (инвективы)» [2]. В основе речевого поведения – инвективная стратегия.	Говорящий преимущественно использует этикетные формы социального взаимодействия. Его речевое поведение отличается повышенной семиотичностью, что характерно для куртуазной стратегии.
Речевые маркеры социального статуса	
Группа статусных названий-обозначений (<i>бомж, бродяжка, сумасшедший, наркоман, алкоголик, проститутки, инвалид детства, инвалид войны</i>).	Группа условно статусных названий-обозначений: «обуза», «вещь», «идиот», «крестяга», «больной».
Речевые маркеры «комплекса неполноценности / комплекса превосходства»	

Речевая агрессия.	Использование форм превосходной степени прилагательных в самоопределениях (<i>я самый ...</i>).
Характер передаваемой информации	
Низкий уровень культуры является причиной того, что герои способны передавать и воспринимать только содержательно-фактуальную информацию.	Достаточно высокий уровень развития позволяет герою воспринимать не только содержательно-фактуальную, но и содержательно-концептуальную информацию.
Денотативное пространство создаваемых речевых произведений	
Герой осознает свое существование в этом мире как жизнь «на краю», «на границе», что обуславливает ощущение постоянной опасности существования, эмоции страха, ужаса.	Герой живет в двух мирах: реальном и воображаемом. Он находится в пограничном положении между ними и реализует себя как личность лишь в выдуманном мире.
Концептуальное пространство создаваемых речевых произведений	
Форма жизни — протест. Способы жизнедеятельности — незаконные, преступные. Причина этому — неспособность реализовать себя в «этом мире», где каждый сам за себя, выживает сильнейший. Причина такой концепции жизни — кризис идентичности.	Кризис идентичности является причиной ухода от реальности. Не имея возможности реализовать себя в «этом мире», герой находит выход из положения: он реализует себя в «другой реальности».
Эмотивное пространство создаваемых речевых произведений	
Речь героев «насыщена нелитературными элементами и характеризуется примитивным синтаксисом. Отсутствует ориентация на нормы литературного языка» [Купина,]. Все это делает ее экспрессивной.	Экспрессия речи достигается употреблением большого количества выразительных средств.

Обратимся к «маргинальному самоопределению» героя П. Санаева.

Повесть начинается с самопрезентации ее главного героя: *Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой. Так я с четырех лет и вишу.* Прежде всего, обращает на себя внимание двойное определение героем собственного социального статуса: *я учусь — я крестяга*. С одной стороны, он школьник, учится во втором классе, но школу почти не посещает. С другой — находится на иждивении родственников, кругом которых ограничены его социальные связи. У героя есть собственное имя (*Савельев Саша*), но для ближайших

родственников — матери и бабушки — он «обуза»¹, *крестяга*. Ни здесь, ни далее почти ничего не сообщает он также и о своих увлечениях, интересах, достижениях, что говорит о неактуальности для героя социализации. Таким образом, на наш взгляд, уже самопрезентация героя позволяет предположительно говорить о его внутренней маргинальности.

В представленном фрагменте текста мы можем выявить все типы внутриличностного конфликта, что позволяет охарактеризовать внутриличностный конфликт героя как тотальный. Именно он, на наш взгляд, и становится причиной внутренней маргинальности героя.

Как мы отмечали выше, «клеймо» маргинальности становится причиной формирования комплекса неполноценности, а в случае внутренней маргинальности — еще и комплекса превосходства. Приведем фрагмент внутренней речи героя, в котором представлены оба эти комплекса: *Я всегда знал, что я самый больной и хуже меня не бывает, но иногда позволял себе думать, что все наоборот и я как раз самый лучший, самый сильный, и дай только волю, я всем покажу*. Внутренне несогласный со своей маргинальностью, но облеченный ролью «обузы», «крестяги», «вещи», герой определяет свой статус как маргинальный, что вынуждает его искать другие пространства для жизнедеятельности (сны, фантазии), собственной реализации.

Список литературы

1. Купина Н.А. Маргинальная языковая личность: взгляд молодых драматургов Урала. Екатеринбург
2. Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: SedovKF@info.sgu.ru. — Заглавие с экрана.

---

¹ В русском этнокультурном сознании выражение «повесила на бабушкину шею тяжкой крестягой» ассоциируется с известными фразеологизмами «повесить (себе) камень на шею» в значении «обременить (себя) чем либо» и «тяжёлый (тяжкий) крест» – «о тяжёлой доле, трудной судьбе кого-либо».